

Научная статья

УДК 343.9.01

EDN: <https://elibrary.ru/fshdcb>

НИОН: 2015-0066-2/26-417

MOSURED: 77/27-011-2026-02-616

Влияние миграционных процессов на этническую организованную преступность в России

Анатолий Васильевич Богданов¹, Павел Вадимович Макошин²,

Евгений Николаевич Хазов³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² pavel_makoshin@mail.ru

³ evg.hazow@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена детальному анализу проблем миграционных процессов и деятельности этнической организационной преступности. Актуальность данной статьи заключается в том, что в современной России с каждым годом возрастает количество преступлений, совершенных этнической организационной преступностью. Особое внимание уделено миграционным процессам и роли этнической организационной преступности. Анализируются причины и условия совершения правонарушений и преступлений, связанных с незаконной миграцией, предлагаются пути решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика, миграционные процессы, незаконная миграция, этнические организованные преступные группы, диаспоры, способы раскрытия преступлений, совершенных этническими организованными преступными группами

Для цитирования: Богданов А. В., Макошин П. В., Хазов Е. Н. Влияние миграционных процессов на этническую организованную преступность в России // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 15–21. EDN: FSHDCB.

Original article

The impact of migration processes on ethnic organized crime in Russia

Anatoly V. Bogdanov¹, Pavel V. Makoshin², Evgeny N. Khazov³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² pavel_makoshin@mail.ru

³ evg.hazow@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a detailed analysis of the problems of migration processes and the activities of ethnic organizational crime. The relevance of this article lies in the fact that in modern Russia the number of crimes committed by ethnic organizational crime is increasing every year. Special attention is paid to migration processes and the role of ethnic organizational crime. The reasons and conditions for the commission of offenses and crimes related to illegal migration are analyzed, and solutions are proposed.

Keywords: operational and investigative characteristics, migration processes, illegal migration, ethnic organized criminal groups, diasporas, methods of solving crimes committed by ethnic organized criminal groups

For citation: Bogdanov A. V., Makoshin P. V., Khazov E. N. The impact of migration processes on ethnic organized crime in Russia. Bulletin of economic security. 2026;(2):15–21. (In Russ.). EDN: FSHDCB.

Внешняя миграция населения влияет на многие сферы и процессы жизни общества и государства. Появляются сплоченные организованные преступные группы (ОПГ) и организованные преступные сообщества (ОПС) этнической направленности, основанные на узкой семейственности, клановости, культе лидера, круговой поруке, жесткой дисциплине, конспирации и закры-

тых для любого проникновения лиц из внешне «чужой» национальной или религиозной среды [1].

Современная этническая организованная преступность и незаконная миграция являются основным и новым источником угроз для России. Особенностью этнической организованной преступности в большинстве субъектов Российской Федерации является то, что

большинство ее участников являются мигрантами. Бесспорным также признается факт влияния миграции на преступность.

Создавшаяся оперативная обстановка в сфере организованных корыстно-насильственных преступлений обусловлена устойчивым ростом роли этнического фактора в структуре организованной преступности Российской Федерации. По оценкам, основанным на обобщении судебной практики и данных открытых обзоров МВД (2024–2025 гг.), доля организованных преступных групп, и организованных преступных сообществ, функционирующих с опорой на этническую, лингвистическую и диаспоральную солидарность, увеличилась с 28 % до 37 % от общего числа выявленных преступных сообществ [2].

Особую тревогу вызывает трансформация традиционных локальных «клановых» структур в устойчивые трансрегиональные и трансграничные сети, использующие цифровые технологии для координации, конспирации и легализации незаконных доходов [3].

В отличие от классических «криминальных авторитетов» советского и постсоветского периодов, современные этнические ОПГ демонстрируют высокую адаптивность к изменениям внешней среды: они активно интегрируются в легальные сектора экономики (строительство, грузоперевозки, рынки, природные ресурсы, онлайн-торговля), используют институты этнических диаспор для вербовки и сокрытия преступной деятельности, а также формируют тесные связи с коррупционными «крышами» на муниципальном уровне [4]. При этом их действия сопряжены со значительной общественной опасностью: помимо экономических преступлений (ст. 159, 171, 174 УК РФ), такие группы все чаще вовлечены в насильственные деяния – похищения человека (ст. 126 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ), незаконный оборот оружия (ст. 222–223 УК РФ), а также в подготовку террористических актов по мотивам межэтнической вражды [5].

Несмотря на очевидную угрозу, в отечественной правовой науке отсутствует системное исследование этнических ОПГ и ОПС в разрезе оперативно-розыскной и уголовно-правовой борьбы. Большинство работ сосредоточено либо на криминологическом описании феномена [6], либо на анализе правовых норм об ответственности за создание преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) [7], но крайне мало внимания уделено тактико-оперативным особенностям взаимодействия уголовного розыска с субъектами ОРД, специфике профилактики в условиях этнокультурной замкнутости и роли лингвистических, психологических факторов при сборе доказательств [8]. Этническую преступность условно можно разделить на ОПГ и ОПС, состоящие из граждан дальнего и ближнего зарубежья и этнических граждан Российской Федерации.

В научной доктрине сохраняется дискуссия о правомерности выделения «этнической ОПГ» как самостоятельной категории. Как отмечает В. В. Лунеев, «этни-

чность сама по себе не образует криминогенного признака, однако в сочетании с региональной изоляцией, миграционными барьерами и недоступностью институтов правопорядка она становится мощным фактором консолидации преступной среды» [9]. Эту позицию разделяет А. С. Кобликов, подчеркивающий, что «этническая идентичность в преступной среде используется не как культурная ценность, а как инструмент управления лояльностью, контроля за информацией и минимизации рисков предательства» [10].

Особую важность приобретает позиция Ю. П. Гаврилова, указывающего, что «этническая солидарность в преступной среде функционирует как альтернативный механизм социального контроля, замещающий неэффективные институты государства» [11]. Сходную мысль развивает С. А. Боголюбов, утверждая, что «в условиях слабости формальных институтов мигранты вынуждены создавать неформальные системы защиты и распределения ресурсов, и, если эти системы не вписываются в правовое поле, они легко дрейфуют в сторону криминализации» [12].

Действующее нормативное регулирование не содержит специализированных правовых механизмов, направленных именно на противодействие этническим ОПГ. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [13] и действующие ведомственные нормативные правовые акты МВД предусматривают общие меры по борьбе с преступными сообществами, однако не учитывают особенности культурной и коммуникативной среды, в которой функционируют этнические ОПГ – что нередко ведет к неэффективности профилактических мероприятий и несостоятельности обвинений на стадии судебного разбирательства [14].

Важно подчеркнуть, что этническая принадлежность сама по себе не является криминогенным фактором; однако в ряде случаев она используется как инструмент вербовки, внутренней координации и обеспечения конспирации преступных структур. Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев указал, что рост преступной активности среди мигрантов и этнически объединенных лиц требует разработки комплексных организационно-правовых мер для повышения эффективности профилактики и пресечения таких форм преступного поведения [15].

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин подчеркивает наличие в стране устойчивых этнических преступных сообществ. Эти группы характеризуются высоким уровнем внутренней организации, иерархическими структурами, использованием коррупционных и миграционных каналов, а также способностью к территориальной экспансии [16]. Со своей стороны, Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям, подчеркнул недопустимость формирования закрытых этнических сообществ, придерживающихся собственных неформальных

правовых норм, противоречащих законодательству Российской Федерации. Глава государства подчеркнул важность сохранения единого правового пространства для всех граждан, независимо от национальной или культурной принадлежности [17].

Согласно данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации за январь-сентябрь 2025 г. [18], на территории страны зарегистрировано 48 700 преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, что на 8,1 % превышает аналогичный показатель за 2024 г.

Региональное распределение этнической организованной преступности носит неравномерный характер и коррелирует с уровнем миграционной нагрузки и функционированием, и развитием теневого сектора экономики. Важно подчеркнуть, что этнический признак сам по себе не является криминогенным. Как справедливо указывает А. С. Кобликов, «преступность не порождается этничностью, но эксплуатируется ею в условиях социально-экономической маргинализации, миграционной неопределенности и институционального вакуума». Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024–2025 гг. подтверждает: подавляющее большинство осужденных за участие в этнических ОПГ – лица, длительно проживающие в России без легального статуса, не имеющие доступа к формальному трудоустройству и сталкивающиеся с дискриминацией на рынке труда [19]. В таких условиях формирование этнических преступных групп выступает не как выражение «врожденной склонности к насилию», а как рациональная стратегия выживания и ресурсной мобилизации в условиях структурного неравенства [20].

Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 8 февраля 2018 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями)» указал, что «признаки организованной группы могут усматриваться и при отсутствии формальной структуры, если имеются доказательства устойчивого взаимодействия, разделения функций и наличия лидера, чье мнение является определяющим для остальных участников. Данное разъяснение открывает возможность учета неформальных механизмов управления, характерных для этнических ОПГ, однако на практике оно применяется редко, в основном по делам с высокой общественной опасностью и общественной резонансностью.

В этой связи особую значимость приобретает рекомендация Е. В. Талалаевой: «При анализе умысла на создание преступного сообщества необходимо учитывать не только формальные, но и социокультурные маркеры руководства – например, возрастное старшинство, родовую принадлежность, репутацию в диаспоре» [21]. Подобный подход позволяет адекватно интерпретировать поведение, основанное на обычном праве, без подмены уголовно-правовых конструкций.

Современное состояние этнических организованных преступных групп в Российской Федерации характеризуется устойчивым ростом их численности, географической экспансией и усложнением организационных форм.

Особое внимание требует расширение деятельности так называемых «полиэтнических ОПГ» – устойчивых структур, объединяющих представителей разных национальностей под единым руководством.

При этом сохраняется высокая устойчивость этнических ОПГ к традиционным формам воздействия. По оценке Следственного комитета РФ, средняя продолжительность существования этнической ОПГ составляет 4,7 года (против 2,3 года для «не конфессиональных» групп) [22]. Такая устойчивость обусловлена, в первую очередь, высокой степенью внутренней лояльности: по данным опросов осужденных, 92 % участников этнических ОПГ отказались от дачи показаний в отношении лидеров, мотивируя это «стыдом перед родом» и страхом «кровной мести» [23].

Как справедливо отмечает В. В. Лунеев, «внутри этнических ОПГ действует особая этика молчания, не подчиняющаяся ни нормам УПК РФ, ни механизмам поощрения за сотрудничество». Эту позицию дополняет Н. А. Краснова: «Коллективный стыд и родовая ответственность – это не маргинальные установки. Они укоренены в традиционных обществах и при определенных условиях воспроизводятся даже в урбанизированной среде» [24].

Современное состояние этнических ОПГ и ОПС отражает переход от локальных, этнически однородных «кланов» к устойчивым, трансрегиональным, полиэтническим структурам с высокой адаптивностью, экономической интеграцией и выраженной специализацией.

Формирование и устойчивое функционирование этнических организованных преступных групп обусловлено комплексом взаимосвязанных криминогенных факторов, действующих на макро-, мезо- и микроуровнях. На макроуровне ключевую роль играют структурные дисбалансы в миграционной политике, экономике и правоприменительной системе. Во-первых, сохраняется высокий уровень неформальной занятости среди мигрантов: по данным Росстата, в 2024 г. 58 % трудовых мигрантов из стран СНГ не имели легального статуса или работали с нарушением условий патента [14]. Это создает устойчивый спрос на услуги «теневых посредников», обеспечивающих трудоустройство, жилье и «крышу» – функции, которые часто выполняют лидеры этнических ОПГ [25].

На Федеральном уровне решающее значение имеет роль этнических анклавов и диаспоральных сетей. По данным Центра этнических исследований РАН, в 24 субъектах РФ сформировались устойчивые этнотерриториальные кластеры численностью от 5 до 50 тыс. человек, обладающие собственной социальной инфраструктурой (магазины, кафе, мечети/храмы, школы выходного дня) и слабой интеграцией в доминирующую

среду. Внутри таких анклавов создаются условия для формирования замкнутых социальных связей, воспроизводства традиционных норм и ограничения доступа внешних институтов, включая правоохранные. Это позволяет этническим ОПГ использовать инфраструктуру диаспор (культурные центры, религиозные общины, благотворительные фонды) для вербовки, сбора информации и финансирования.

На местном уровне действуют психологические и культурные факторы. В этнических ОПГ и ОПС высокий уровень внутренней сплоченности, и это обеспечивается не страхом наказания, а чувством коллективной ответственности и нравственных установок, где профилактические меры малоэффективны. Кроме того, для молодых мигрантов участие в ОПГ и ОПС становится способом социальной мобильности и обретения статуса в условиях ограниченных возможностей легальной интеграции.

Особую роль играет информационно-телекоммуникационная среда. Как показывают исследования Института проблем правоприменения, в закрытых мессенджер-группках социальных сетей на языках народов (узбекский, таджикский, киргизский) активно распространяются нарративы о «недоступности справедливости», «предвзятости полиции» и «необходимости защищать своих», что формирует устойчивую установку на самоизоляцию и недоверие к государственным институтам. В этих условиях этнические ОПГ и ОПС выступают не как угроза, а как «гаранты безопасности», что значительно повышает их легитимность в глазах части мигрантской среды.

Преступления, совершаемые этническими ОПГ и ОПС, представляют собой совокупность устойчивых признаков, отражающих специфику их подготовки, совершения и сокрытия. Организация и тактика совершения преступлений этническими ОПГ и ОПС отличаются высокой степенью стандартизации и репродуктивности.

В деятельности ОПГ и ОПС доминирует тактика «теневого трудоустройства» – вербовка соотечественников через родственные и земляческие связи, диаспоры, организация их нелегального въезда и размещения в концентрационных точках (часто в заброшенных зданиях на окраинах городов), принуждение к работе под угрозой насилия или удержания документов, систематическое изъятие заработной платы «за жилье и охрану» (фактически – вымогательство и незаконное лишение свободы). Данный алгоритм позволяет одновременно нарушать нормы уголовного, административного и миграционного законодательства, оставаясь «в тени» за счет замкнутости группы и страха жертв.

Следует подчеркнуть, что при совершении преступлений этнические ОПГ и ОПС избегают применения насилия в отношении «своих» – лиц одной этнической или религиозной принадлежности, что создает иллюзию «социальной справедливости» внутри диаспоры

и снижает вероятность обращения в правоохранные органы. Внутриэтническая этика, основанная на принципах родства, религии и чести, становится альтернативой праву, что делает профилактические меры неудовлетворительными. Отличительной чертой является отсутствие формального распределения ролей: функции закрепляются не приказами, а через неформальное признание авторитета, возрастное старшинство или родственные связи. То есть достаточно слова старшего по роду, чтобы все члены ОПГ и ОПС выполнили его требования. Очень строго в ОПГ и ОПС соблюдается конспирация как внутри, так и в цифровом пространстве.

Конспирация строится на нескольких уровнях. На коммуникативном – активно используются закрытые мессенджер-группы с автоматическим удалением переписки (Telegram, Signal, Viber), речевые шифры (например, замена «наркотики» на «товар», «полиция» – на «черные»), а также специальные диалекты или жаргоны, непонятные для посторонних. На лингвистическом – все переговоры внутри группы ведутся на родном языке (таджикском, узбекском, киргизском и др.), что исключает возможность оперативного прослушивания без привлечения квалифицированного переводчика. На физическом – встречи проводятся в местах, недоступных для видеонаблюдения (частные дома, лесные массивы, автостоянки), а передача денег и товаров – через «закладки» или с участием «не вовлеченных» лиц (например, пожилых родственников).

География деятельности этнических ОПГ характеризуется переходом от локальной к трансрегиональной и трансграничной модели.

Преступления, совершаемые этническими ОПГ и ОПС, отражают устойчивую тенденцию к профессионализации, специализации и технологизации. Их структура, тактика и география действия свидетельствуют о переходе от стихийных «кланов» к устойчивым, адаптивным преступным корпорациям, способным эффективно функционировать в условиях усиления правоохранительного давления. Это требует от правоохранительных органов не просто наращивания репрессивного потенциала, но разработки целевых оперативно-тактических моделей, учитывающих этнокультурные, лингвистические и территориальные особенности таких структур. Предупреждение этнической преступности – это предохранение людей, общества и государства от преступлений.

Эффективность профилактики этнических ОПГ и ОПС напрямую зависит от способности правоохранительных органов преодолеть барьер недоверия, характерный для многих мигрантских сообществ. В этих условиях решающее значение приобретает этнокультурное посредничество – вовлечение в профилактическую деятельность лиц, обладающих авторитетом и доверием в соответствующей среде: имамов, аксакалов, представителей национальных культурных центров, представителей диаспоральных советов.

Особую роль играет работа с так называемыми «точками роста» – социальными, экономическими и инфраструктурными узлами, где формируются условия для криминализации. К ним относятся: нелегальные рынки труда, «серые» строительные объекты, мелко-оптовые рынки, автостоянки и транзитные hostels. В соответствии с п. 18 Приказа МВД № 820 [26], подразделения УР и ОРД обязаны взаимодействовать с органами местного самоуправления, миграционной службой и надзорными ведомствами для выявления и устранения таких точек.

При этом важно различать конструктивное и деструктивное посредничество. Первое предполагает сотрудничество с официально зарегистрированными, социально ориентированными структурами (например, Духовными управлениями мусульман, Республиканскими диаспоральными советами), второе – взаимодействие с неформальными лидерами, чья легитимность основана на криминальном капитале или коррупционных связях.

Последнее категорически недопустимо и прямо запрещено п. 45 Инструкции по ОРД, утвержденной Приказом МВД № 615 «Недопустимо использование в профилактических целях лиц, состоящих на оперативном учете как организаторы или лидеры преступных групп» [27].

Оперативно-розыскная профилактика этнических ОПГ и ОПС требует перехода от универсальных и формальных подходов к дифференцированной, культурно-чувствительной стратегии, сочетающей аналитическую подготовку, информационное воздействие и оперативные меры с участием легитимных «точек входа» в этнические сообщества. Только такой комплексный подход способен обеспечить не краткосрочное подавление преступной активности, а долгосрочное снижение ее привлекательности и устойчивости.

На основании изложенного, этнические ОПГ и ОПС – это не следствие «этнической предрасположенности», а продукт сложного взаимодействия миграционной, экономической, институциональной и культурной среды. Их устойчивость определяется не столько криминальной активностью, сколько способностью заполнять функциональные вакуумы – в сфере занятости, безопасности, социальной идентичности и правовой защиты. Эффективное противодействие возможно лишь при условии комплексного подхода, сочетающего правоохранительные меры с социальной интеграцией, языковой поддержкой и укреплением доверия к институтам государства. Создавшаяся оперативная обстановка в сфере этнической организованной преступности требует адекватного реагирования оперативных подразделений органов внутренних дел по борьбе с ними и эффективнее всего на региональном уровне. Повышение эффективности борьбы с этнической организованной преступностью на современном и сложном этапе развития нашего общества относится к числу важнейших задач правоохранительных органов.

Список источников

1. Деятельность правоохранительных органов по предупреждению и противодействию преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России / Богданов А. В., Вендиктов М. И., Косухин В. В., Кизилев А. П., Тухваллин Б. Т., Санин В. Е., Хазов Е. Н. Новосибирск, 2025.
2. ГИАЦ МВД России. Аналитический обзор по состоянию организованной преступности в Российской Федерации за 2020–2024 гг. М., 2025. 48 с.
3. Лунеев В. В. Организованная преступность в России : состояние, тенденции и контрмеры. М. : Изд-во Московского университета, 2023. 248 с.
4. Комиссаров В. С. Профилактика организованной преступности : оперативно-розыскные и криминологические аспекты. М. : Спарк, 2022. 284 с.
5. Гаухман Л. Д. Преступные сообщества: правовая оценка и борьба. М. : Проспект, 2021. 328 с.
6. Зуйков В. М. Криминологические основы деятельности этнических преступных групп. М. : Норма, 2022. 216 с.
7. Кобликов А. С. Организованная преступность : правовые и криминологические проблемы. М. : Юристъ, 2022. 288 с.
8. Кудрявцев В. Н. Проблемы борьбы с организованной преступностью. М. : Юристъ, 2020. 196 с.
9. Лунеев В. В. Этнический фактор в структуре организованной преступности // Государство и право. 2021. № 6. С. 70–76.
10. Кобликов А. С. Этническая идентичность как инструмент управления в преступной среде // Уголовное право. 2023. № 2. С. 40–47.
11. Гаврилов Ю. П. Социальные функции преступных сообществ в условиях институционального вакуума. М. : Изд-во РАГС, 2021. 172 с.
12. Боголюбов С. А. Мигранты и неформальные институты саморегулирования : от защиты к криминализации // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 85–94.
13. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 24.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3022.
14. ГУВМ МВД России. Аналитический отчет по миграционной ситуации и криминогенным рискам в 2024 году. М., 2025. 37 с.
15. Коллегия МВД России от 21 марта 2024 г. // URL: <https://мвд.рф/document/2860646/>
16. Бастрыкин А. И. Интервью ТАСС: «Этническая преступность все более организуется» // URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19467223/>
17. Путин В. В. Заседание Совета по межнациональным отношениям, 19 июня 2024 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74089/>
18. Статистический отчет Главного информационно-аналитического центра Министерства внутрен-

них дел Российской Федерации за январь-сентябрь 2025 года // URL: <https://гиац.мвд.рф/statistics/2025/9m-crime-report/>

19. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Статистический сборник: уголовные дела с участием иностранных граждан (2020–2024 гг.). М., 2025. 64 с.

20. Зуйков В. М. Мигранты и криминальная среда : стратегии выживания // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 200–210.

21. Галалаева Е. В. Правовые и криминологические аспекты борьбы с организованной преступностью. М. : Проспект, 2022. 256 с.

22. Следственный комитет Российской Федерации. Статистический анализ продолжительности существования преступных сообществ (2020–2024 гг.). М., 2025. 14 с.

23. ВНИИ МВД России. Опрос осужденных – участников этнических ОПГ : мотивы молчания и отказа от сотрудничества. М., 2024. 27 с.

24. Краснова Н. А. Коллективная ответственность и стыд в криминальных средах. М. : Изд-во РАГС, 2023. 184 с.

25. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. — № 237.

26. Приказ МВД России от 17 октября 2022 г. № 820 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений уголовного розыска органов МВД России» // Бюллетень нормативных актов МВД России. 2022. № 12. С. 5–29.

27. Приказ МВД России от 3 сентября 2020 г. № 615 «Об утверждении Положения об организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» // Бюллетень нормативных актов МВД России. 2020. № 10. С. 3–18.

References

1. The activities of law enforcement agencies to prevent and combat crime among foreign citizens and stateless persons in Russia / Bogdanov A. V., Venidiktov M. I., Kosukhin V. V., Kizilov A. P., Tukhvatullin B. T., Sanin V. E., Khazov E. N. Novosibirsk, 2025.

2. GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Analytical review on the state of organized crime in the Russian Federation for 2020–2024. M., 2025. 48 p.

3. Luneev V. V. Organized crime in Russia : state, trends and countermeasures. M. : Publishing House of Moscow University, 2023. 248 p.

4. Komissarov V. S. Prevention of organized crime : operational-investigative and criminological aspects. M. : Spark, 2022. 284 p.

5. Gaukhman L. D. Criminal communities : legal assessment and struggle. M. : Prospekt, 2021. 328 p.

6. Zuikov V. M. Criminological foundations of the activities of ethnic criminal groups. M. : Norma, 2022. 216 p.

7. Koblikov A. S. Organized crime : legal and criminological problems. M. : Yurist, 2022. 288 p.

8. Kudryavtsev V. N. Problems of combating organized crime. M. : Yurist, 2020. 196 p.

9. Luneev V. V. Ethnic factor in the structure of organized crime // State and law. 2021. № 6. P. 70–76.

10. Koblikov A. S. Ethnic identity as a management tool in a criminal environment // Criminal law. 2023. № 2. P. 40–47.

11. Gavrilov Yu. P. Social functions of criminal communities in an institutional vacuum. M. : RAGS Publishing House, 2021. 172 p.

12. Bogolyubov S. A. Migrants and informal institutions of self-regulation : from protection to criminalization // Journal of Russian Law. 2022. № 9. P. 85–94.

13. Federal Law № 144-F3 of August 12, 1995 «On Operational Investigative activities» (as amended on 24.07.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3022.

14. GUVM of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Analytical report on the migration situation and criminogenic risks in 2024. M., 2025. 37 p.

15. Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 21, 2024 // URL: <https://мвд.рф/document/2860646/>

16. Bastrykin A. I. Interview with TASS: «Ethnic crime is becoming more and more organized» // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/19467223/>

17. Putin V. V. Meeting of the Council on Interethnic Relations, June 19, 2024 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74089/>

18. Statistical report of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for January-September 2025 // URL: <https://гиац.мвд.рф/statistics/2025/9m-crime-report/>

19. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. Statistical collection: criminal cases involving foreign citizens (2020–2024). M., 2025. 64 p.

20. Zuikov V. M. Migrants and the criminal environment : survival strategies // Journal of Russian Law. 2021. № 11. P. 200–210.

21. Galalaeva E. V. Legal and criminological aspects of combating organized crime. M. : Prospekt, 2022. 256 p.

22. Investigative Committee of the Russian Federation. Statistical analysis of the duration of the existence of criminal communities (2020–2024). M., 2025. 14 p.

23. VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Survey of convicted members of ethnic organized criminal groups : motives for silence and refusal to cooperate. M., 2024. 27 p.

24. Krasnova N. A. Collective responsibility and shame in criminal environments. M. : RAGS Publishing House, 2023. 184 p.

25. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. № 237.

26. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 17, 2022 № 820 «On approval of Instructions on the organization of activities of criminal investigation units of the Ministry of Internal Affairs of Russia» // Bulletin of regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 12. P. 5–29.

27. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated September 3, 2020 № 615 «On approval of the Regulations on the organization of operational search activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia» // Bulletin of regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 10. P. 3–18.

Информация об авторах

А. В. Богданов – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

П. В. Макошин – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Е. Н. Хазов – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Bogdanov – Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

P. V. Makoshin – Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

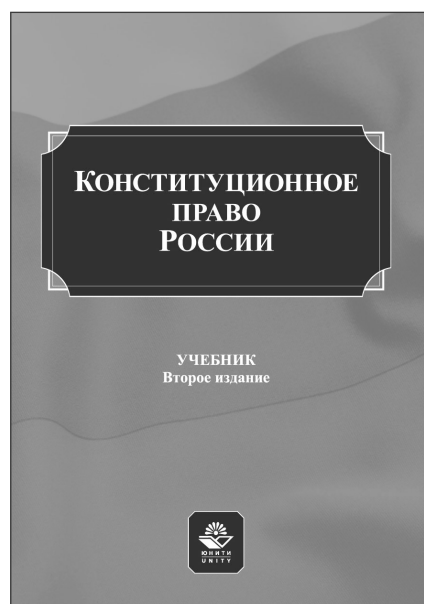
E. N. Khazov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Конституционное право России. Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева ; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».